

Иван Сергеевич Шмелев (1873-1950).

Издание: Ив. Шмелев, "Иностранец", Роман.

Изд-во "Russisches Wissenschaftliches Institut in Paris", Париж, 1963.

OCR и вычитка: Александр Белоусенко (belousenko@yahoo.com), 12 марта 2003.

Библиотека Александра Белоусенко - <http://belousenkolib.narod.ru>

Примечание к "Иностранцу" (Ю. А. Кутырина).

В 1935 году здоровье Ивана Сергеевича улучшилось, после его чудесного выздоровления, которое он описал в своем рассказе "Милость преподобного Серафима" -- Собрание рассказов "Из моей жизни", Чеховское изд. в Нью-Йорке.

В том же году Иван Сергеевич задумывает большой роман "Иностранец".

Герой Американец, около которого должна разворачиваться психологическая картина жизни русской эмиграции; в ней он хотел запечатлеть некоторых русских эмигрантов. Но в жизни писателя произошло великое горе -- кончина жены (22. 6. 1936 года) и отдалило намеченный план.

9 февраля 1938 г. Schloss Holdenstem bei Chur (Suisse) где Иван Сергеевич гостит у своей швейцарской переводчицы Frau Dr. Candreia он пишет в письме:

"Впервые после кончины моей светлой Олечки, через 20 месяцев начинаю оправляться -- не душой, конечно"... И он начинает писать давно задуманный роман "Иностранец" для "Современных Записок". Первые главы помечены -- апрель и май 1938 г. Мировые события 1939 года нарушают всю жизнь и, по определению Ив. С. возвратившегося во Францию, начинаются "Суровые дни". Роман остается незаконченным.

ИНОСТРАНЕЦ

Роман

Во второй половине сентября сезон на Серебряном Берегу закончился.

В Биаррице еще шумели ночные кабаки и прочие заведения, где развлекали себя отдыхавшие от кипучих дел богатые иностранцы, -- американцы англичане, шведы, аргентинцы... -- разбухшие от войны и швырявшие деньгами без счета. В предутренний, неурочный час платили еще сотни франков за бутылку шампанского, просаживали в баккара миллионы за одну ночь и бросали боярышне-певице за грустно-лихую песню сотняжку франков "натшай". Еще докучивали штандартные Чарли-Фрэди, наследники чикагских свинобойцев, сапожных, хлебных и всяких американских королей, носившие на тяжелых лицах громкий отцовский титул -- "сэльд-мэд-мэн", "сам-себя-сделавший", тянули неслыханные смеси разной опойной дряни, задирали коневьи ноги, орали певцам-казакам -- "ан-кор... паматыюшка-паволга!.." -- и порой пьяно плакали над чем-то, растревоженные невнятной песней людей в "шэркэска". Но и здесь чадная буря утихала, -- начинался подсчет доходов.

А в лесном городке у океана, в те годы еще негромком, с атласным пляжем, где воздух -- сосна и море, -- сезонное оживление заглохло. Убрали с пляжа веселые палатки, прибрежные отели позакрылись, и баскские молодцы-беньеры посиживали в кафэ за своим бэлотом, резались у фронтона в мяч и вспоминали -- ввали забавные случаи сезона. Пустой океан подремывал, похлестывал в пенные берега. Над мыльно-зеленоватыми валами тянули свои цепочки черные нелюдимые бакланы. Одиноко на берегу чернела выброшенная сентябрьским штормом безвестная шхуна "Mi Unica" -- с пробитой грудью, крепко затянутая песком.

Последним закрылся розовый отель "Сосенки", Луи Пти Жако, по прозвищу "Корнишон", -- за пупырчатый лоб и низкорослость, -- виноторговца-трактирщика из Бордо. Отель стоял на ударном месте, с вольным видом на океан, работал первый сезон и прославился "пляжем" на плоской крыше, -- нововведение, которым хозяин особенно гордился и называл его -- "верхний пляж", -- для слабых и ленивых. Гордился и названием отеля -- "Пти Пэн". Перед отелем росли три чахлые сосенки, пригнутые зимними ветрами, и получалась забавная игра слов "Пти Жако -- Пти Пэн. Закрытие задержалось из-за того, что зажилась большая английская семья, очень почтенная, обещавшая и на будущий год вернуться и привезти другую английскую семью. Дела торопили его в Бордо, но из уважения к таким клиентам Пти Жако решил отложить закрытие. Семья, наконец, уехала. Пти Жако отпускал последнюю прислугу и собирался с женой в Бордо, как случилось одно событие.

Был свежий, яркий осенний день. Океан снежно пенился у песков, плескал серебром на дюны. Воздух был напоен смолою и крепкой геречью дюнных трав, заглушавшей дыханье океана. Перед последним завтраком в "Сосенках" Пти Жако поднялся на "верхний пляж" прощально полюбоваться